

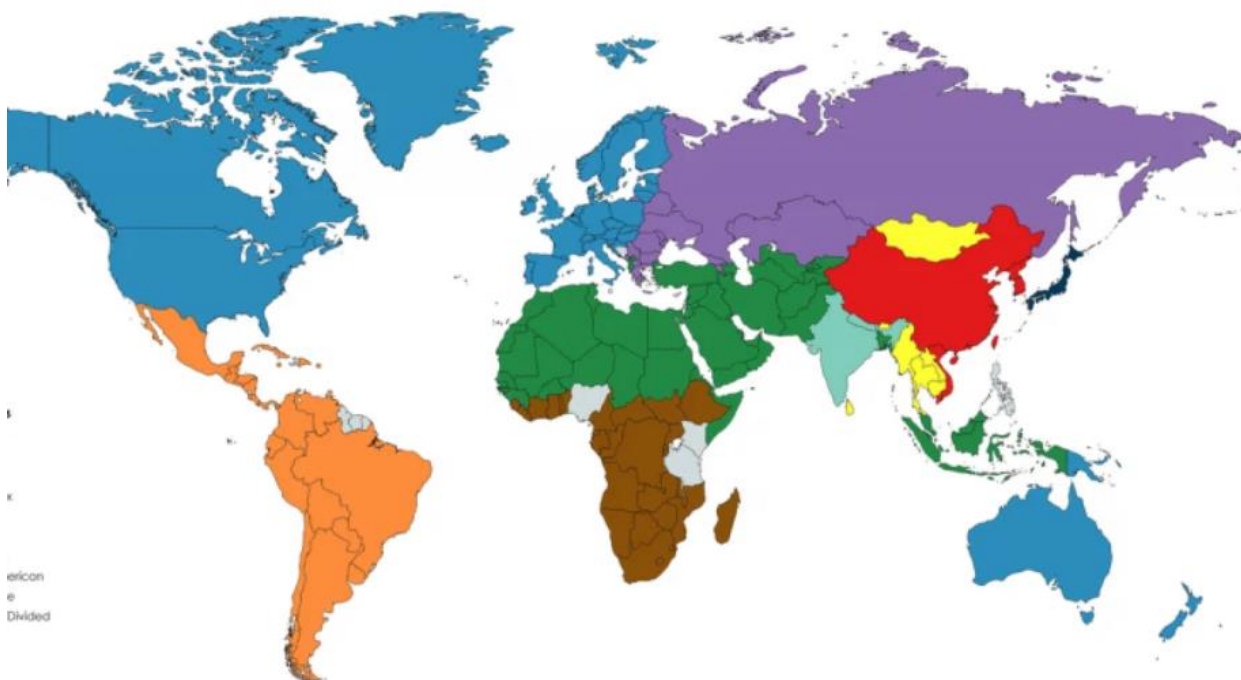
Время выполнения заданий – 120 минут

Максимальное количество баллов - 100

Часть I. Работа с географической картой (25 баллов).

Ниже представлена карта цивилизаций, иллюстрирующая концепцию С.Хантингтона. Согласно мнению этого исследователя, высказанному в 1993 г. в книге “Столкновение цивилизаций”, в мире существует 9 или более цивилизаций, а конфликты в XXI в. будут развиваться вдоль линий их столкновения.

Внимательно изучите ее, ответьте на вопросы и выполните задание на контурной карте:

Задание 1.1 Как вы думаете, какие цивилизации выделял Хантингтон, и какие критерии он положил в их основу? (10 баллов).

Задание 1.2. Отметьте на карте современные конфликты (произошедшие и происходящие в течение XXI в.), истоки которых концепция Хантингтона может логично объяснить.

(7 баллов)

Задание 1.3. Отметьте на карте другие текущие конфликты, которые не укладываются в концепцию Хантингтона. Есть ли, по вашему мнению, какое-то общее объяснение их происхождения? (8 баллов)

(контурная карта мира)

Ответ:

1.1 Сэмюэл Хантингтон выделял следующие цивилизации:

1. Западная
2. Латиноамериканская
3. Православная
4. Африканская
5. Исламская
6. Индийская
7. Буддийская
8. Китайская (конфуцианская)
9. Японская

Допускаются разные варианты обозначения цивилизаций, например, не будет ошибкой назвать китайскую цивилизацию конфуцианской, западную - западноевропейской и североамериканской, западнохристианской и т.д., поскольку это не противоречит критериям, объединяющим страны и народы согласно концепции исследователя. Однако, ошибкой будет обозначить исламскую цивилизацию как “арабскую”, поскольку тюркские народы, иранцы, индонезийцы и др. относятся к этой цивилизации, но не относятся к арабам. Также ошибкой будет обозначить православную цивилизацию как “постсоветскую” или “славянскую”, поскольку в нее входят страны и народы, не относящиеся ни к славянам, ни к бывшим странам СССР или социалистического блока периода Холодной войны.

В качестве критериев, положенных в основу концепции, можно выделить следующие: религия, общая культура, традиции, общий исторический путь, в отдельных случаях - географическая близость и языковая общность

1.2 Необходимо обратить внимание, что в задании речь идет о конфликтах XXI в., а не любых вообще. В качестве примеров конфликтов, в отношении которых концепция имеет объясняющую силу, можно привести: армяно-азербайджанский, обострения отношений между Индией и Пакистаном, Индией и КНР, КНР и Японией, трения в отношениях КНР и США, войну в Ираке, войну в Афганистане, обострение отношений между США и Ираном и др. На приведенной карте Израиль не обозначен как отдельная цивилизация или часть западной цивилизации, однако, при достаточном логическом обосновании конфликты Израиля с другими странами Ближнего Востока также можно отнести к этой категории.

Допускается любой логически обоснованный ответ, не противоречащий объективным фактам.

1.3 Необходимо обратить внимание, что в задании речь идет о конфликтах XXI в., а не любых вообще. В качестве примеров конфликтов, в отношении которых концепция не имеет объясняющей силы можно привести любые конфликты внутри цивилизаций, выделенных Хантингтоном, например, между Южной Кореей и КНДР, Камбоджей и Таиландом, конфликт в Сирии и др.

В качестве причин этих конфликтов можно назвать социально-экономические причины, конкуренцию за стратегические ресурсы, идеологические, прокси-войны с участием стран, формально не являющимися сторонами конфликта и др.

Допускается любой логически обоснованный ответ, не противоречащий объективным фактам.

Часть II. Работа с изобразительными источниками. Рассмотрите приведенные ниже фотографии. Ответьте на вопросы. (25 баллов)

Задание 2.1 Какие события запечатлены на кадрах фотохроники? Укажите период-даты событий, а также объясните сходства и различия, характеризующие данные события. (13 баллов)

1.

2.

3.

Задание 2.2. Какое событие в истории Кореи объединяет данные изображения? Расположите их в хронологическом порядке, где №1 — это самое раннее событие. К каждой фотографии дайте аргументированный комментарий своего выбора (12 баллов).

1.

2.

3

4.

Ответ

2.1 На представленных фотографиях запечатлены массовые политические протесты в странах Восточной Азии во второй половине XX века, связанные с общественными требованиями политических прав, демократизации и пересмотра курса власти.

Первая фотография отражает события Апрельской революции в Республике Корея (апрель 1960 г.). Протесты были вызваны фальсификацией президентских выборов и переизбранием Ли Сын Мана. Массовые выступления студентов и горожан привели к отставке президента и падению авторитарного режима.

Вторая фотография связана с протестным движением в Японии против Японо-американского Договора безопасности 1960 г., весна-лето 1960 г. Выступления охватили широкие слои населения и выражали недовольство усилением американского военного присутствия и внешнеполитическим курсом правительства, однако не привели к смене политической системы.

На третьей фотографии запечатлены студенческие и массовые протесты на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 г. Участники выступлений выдвигали требования политических реформ, борьбы с коррупцией и расширения гражданских свобод. Протесты завершились силовым подавлением со стороны властей.

Сходства данных событий заключаются в том, что все они:

- носили массовый характер и опирались на активное участие студенчества;
- отражали кризис доверия между обществом и властью;
- происходили в условиях напряжённой международной обстановки холодной войны или её последствий;
- стали важными символами общественной мобилизации и политической активности.

Различия проявляются в политическом контексте и итогах:

- в Японии протесты разворачивались в рамках демократической системы и не привели к смене власти;
- в Южной Корее они завершились падением авторитарного режима;
- в Китае протестное движение было подавлено, а политическая система сохранилась без либерализации.

2.2 Данные изображения объединяет Корейская война (1950–1953 гг.) — вооружённый конфликт между Северной и Южной Кореей с участием международных сил.

Хронологическая последовательность событий:

4. Переход северокорейских войск через 38-ю параллель (25 июня 1950 г.) — начало Корейской войны.

3. Высадка войск ООН (США) в Инчхоне (сентябрь 1950 г.) — переломный момент войны, контрнаступление Южной Кореи и союзников.

2. Участие китайских «народных добровольцев» (конец 1950 г.) — вступление Китая в войну на стороне КНДР.

1. Переговоры в Пханмунджоме (1951–1953 гг.) — завершение активных боевых действий и подписание соглашения о перемирии.

Часть III (25 баллов). Работа с письменным источником

Прочитайте фрагмент исторического текста. Дайте развернутые ответы по тексту. Ниже приведены фрагменты законодательства одной из стран Азии. Внимательно прочитайте, выполните задание.

Задание 3.1. Как Вы считаете, в какой стране и когда был принят данный закон? По каким признакам вы это определили? (10 баллов)

Задание 3.2. Какие перемены во внутренней и международной политике отражены в данном законе? Какие события и тенденции предшествовали принятию данного законодательства? (10 баллов)

Задание 3.3. Как изменялись военные формирования, которым посвящен закон, с течением времени? Каков их статус в настоящий момент? (5 баллов)

Настоящий закон определяет задачи, структуру и организацию Сил Самообороны, их деятельность и полномочия, статус личного состава и другие вопросы прохождения службы.

[...] Силы Самообороны в настоящем законе включают министра обороны, его заместителей, помощников, советника и секретаря, центральный аппарат министерства обороны, военный и военно-медицинский колледжи, совет обороны, объединенный штаб, разведывательное управление МО, научно-исследовательский технический центр, управление военных поставок, инспекционное управление, региональные управления обороны, прочие учреждения [...]

[...] Главной задачей Сил Самообороны является оборона страны от прямой или косвенной агрессии в целях защиты независимости государства, поддержания мира и безопасности. В случае необходимости Силы Самообороны могут быть использованы для поддержания общественного порядка.

Силы Самообороны помимо указанного выше решают следующие регламентируемые прочими законодательными актами задачи, которые выполняются не в ущерб их главному предназначению и без применения вооруженной силы или создания кому-либо угрозы:

1. Обеспечение мира и безопасности в прилегающих к [...] в случае возникновения угрозы стране;
2. Обеспечение мира во всем мире и безопасности в рамках вклада в деятельность различных международных организаций [...] и прежде всего ООН. [...]

Премьер-министр в соответствии постановлениями правительства определяет знамя и военно-морской флаг для формирований и кораблей Сил Самообороны. [...]

Имеющий заслуги личный состав, а также формирования и учреждения [...] могут быть награждены министром обороны или уполномоченными лицами, а за особые заслуги - премьер-министром. [...]

Представляющий правительство премьер-министр является верховным главнокомандующим Сил Самообороны.

Ответ

3.1 Япония, 1954 г. Речь идет о формировании (повторном создании после принятия “мирной” конституции) вооруженных сил. Страну можно определить по названию вооруженных сил, по упоминаниям политического устройства (премьер-министр как глава государства). Год - из общих знаний о послевоенной истории Японии: речь идет о периоде после окончания оккупации, поскольку до этого Япония не обладала суверенитетом, не могла иметь вооруженных сил и вступать в ООН. Кроме того, договор был подписан после заключения договора безопасности с США - то есть, речь идет о времени начиная с 1954 г.

3.2 Закон был принят в результате разворачивания борьбы двух блоков - капиталистического и социалистического и вовлечения Японии в эту борьбу на стороне США. Для самой Японии это означало новый этап милитаризации. Одним из главных событий, которые послужили отправной точкой стала Корейская война, которая развернулась непосредственно у морских границ Японии.

3.3 Основные изменения с момента формирования сил самообороны касались:

- 1) постоянный рост их численности (около 250 тыс. в настоящий момент);
- 2) начало участия в совместных учениях с США и их союзниками с 1980-х;
- 3) участие в операциях за рубежом (но без участия непосредственно в боевых действиях) и создание зарубежных военных баз (в 2011 г. в Джибути);
- 4) расширение полномочий Совета по самообороне;
- 5) рост военных расходов в абсолютных и относительных к ВВП числах;
- 6) расширение технической базы и арсенала вооружений, включая постановку на вооружение ракетных вооружений.

Часть IV (25 баллов). Работа с текстом научной статьи. Внимательно прочитайте текст и ответьте на вопросы по тексту.

Андрей Чупрыгин, Лариса Чупрыгина, Валерий Матросов

«Как Тегеран и Эр-Рияд Залив делили»: «Россия в глобальной политике» Том 18, №6, (106) ноябрь - декабрь 2020, С.163-171

Задание 4.1 Почему, по мнению авторов, конфликт между Саудовской Аравией и Ираном нельзя объяснить только различиями между суннитами и шиитами? (6 баллов)

Задание 4.2 Почему после 2003 года именно Ирак стал главным полем соперничества Саудовской Аравии и Ирана? (6 баллов)

Задание 4.3 Как Саудовская Аравия и Иран участвуют в конфликтах в Ливане и Йемене, не воюя друг с другом напрямую?(6 баллов)

Задание 4.4 Какую роль в противостоянии Ирана и Саудовской Аравии играют США и Россия? (7 баллов)

С момента возникновения Исламской Республики Иран (ИРИ) в 1979 г. отношения между Тегераном и Эр-Риядом развивались неоднозначно. Появилось государство, сумевшее в крайне непростых условиях выстроить систему управления, экономику, культурную жизнь в «более исламском» русле. Это предполагало, что руководству Королевства Саудовская Аравия (КСА), которое позиционировало себя в качестве лидера мусульманского мира, придётся потесниться, а, возможно, и передать пальму исламского первенства своему неарабскому, да к тому же ещё и шиитскому, соседу.

Иранский пример с энтузиазмом восприняли все шииты Ближнего Востока, причём шиитское население восточных провинций Саудовской Аравии – самых нефтеносных и самых небогатых – первым выступило с политическими лозунгами в пользу иранского

опыта и построения шиитского государства. Кроме того, курс на воспроизведение иранской модели взял ряд суннитских группировок – таких, как «Исламский джихад» на территории Палестины.

Официальная позиция иранского духовенства, которое открыто критиковало саудовский режим и призывало к «экспорту исламской революции» в страны региона, воспринималась как угроза национальной безопасности Саудовской Аравии. Королевство, впрочем, не осталось в долгу и оказало активную поддержку Саддаму Хусейну в годы Ирано-иракской войны (1980–1988), предоставив ему помощь на сумму 27,2 млрд долларов.

На фоне этих событий произошёл разрыв дипломатических отношений, продолжавшийся с 1988 по 1991 год. Формальным поводом послужили столкновения иранских паломников с полицией во время хаджа, а также холодно встреченное в Эр-Рияде требование Ирана увеличить квоту с 55 тысяч до 150 тысяч паломников в год. Однако с завершением Ирано-иракской войны Тегеран стал склоняться к выходу из региональной международной изоляции и к компромиссу с соседями. Смерть харизматичного и экспрессивного аятоллы

Рухоллы Хомейни, а также осуждение Ираном оккупации Кувейта иракскими войсками годом позже способствовали восстановлению дипломатических отношений и достижению консенсуса по вопросу количества паломников (квота составила 115 тысяч человек).

На протяжении более чем десятилетия отношения развивались достаточно ровно. Однако с момента вторжения американских войск в Ирак в 2003 г. они начали стремительно ухудшаться, причём основными вехами следует считать события 2003, 2011 и 2015 годов.

Американская агрессия против Ирака уничтожила прежний баланс сил в регионе Персидского залива. До начала вторжения наличие общего соперника в лице Багдада вынуждало КСА и ИРИ идти на компромиссы, вплоть до предложения (правда, нереализованного) сформировать коллективную систему обеспечения безопасности, которая включала бы и Иран, и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и была бы направлена на достижение энергетической безопасности. Но крушение иракской государственности повлекло за собой огромные по своей значимости последствия.

Хрупкий баланс внутри треугольника «Эр-Рияд – Тегеран – Багдад» был уничтожен, геостратегическое пространство претерпело существенную трансформацию. Особую роль здесь сыграли внутренние политические и социальные особенности Ирака. Государство, где шииты всегда составляли более половины населения, а сунниты формировали политическую и экономическую элиту, страна, расположенная на пересечении суннитской и шиитской осей «Саудовская Аравия – Турция», «Иран – Ливан», оказалась желанным призом для обоих претендентов на региональное лидерство.

Установление контроля над Ираком позволило бы и Саудовской Аравии, и Ирану существенно укрепить собственные региональные и глобальные позиции. И вот вокруг заветной цели начался новый этап политического противостояния.

Приход в 2005 г. на пост президента ИРИ энергичного и решительно настроенного Махмуда Ахмадинежада усугубил обострение отношений Ирана с внешним миром. Помимо Ирака, конфликт в формате «войн по доверенности» затронул Ливан и Йемен. В первом Эр-Рияд и Тегеран «издалека» поддерживали оппозиционно настроенные в отношении друг друга политические силы, чему в большой степени способствовала конфессиональная структура политического поля Ливана. А во втором – прямо вмешались во внутренний конфликт, причём Иран оказал содействие повстанцам, хуситам, а КСА заняло сторону официального правительства страны.

Таким образом, к классическому противостоянию, протекавшему на внутреннем уровне и затронувшему идеологические, религиозные, националистические противоречия, а также вопросы экономического характера (цены на нефть, логистика торговых маршрутов), добавилась неприкрытая борьба за региональную гегемонию, в которую стали вовлекаться и другие страны. Основной целью борьбы оставался Ирак.

Эта тенденция стала ещё более очевидной после начала «арабской весны». И Эр-Рияд, и Тегеран восприняли пробуждение «арабской улицы» не столько как угрозу, сколько как

возможность сыграть втёмную, укрепив свои позиции в регионе. Поддерживая различные правительственные и антиправительственные группировки, спонсируя их и оказывая им военную поддержку, ИРИ и КСА энергично трансформировали противостояние в полноценный региональный конфликт. Обе стороны творчески применяли давно обкатанную доктрину управляемого хаоса, демонстрируя хорошо усвоенный урок британской модели взаимодействия с Ближним Востоком. При этом и КСА, и ИРИ достаточно активно привлекали внешних акторов своими действиями «на земле» и в дипломатическом, и в экономическом секторах, приглашая их (а часто и провоцируя, как в случае с США) принять участие в этом конкурсе возможностей. Вовлечённость в большинство локальных столкновений других игроков – как ближневосточных (Катар, Турция), так и внешних (Соединённые Штаты, Россия) – в свою очередь, способствовали тому, что конфликт между претендентами на лидерство проявлялся по-разному: политическое маневрирование, военные действия через лояльные группировки на месте, дипломатические игры и экономическое давление.

В результате, саудовско-иранские контакты оказались в худшем состоянии за всё время их существования, а обострение противоречий в наиболее ярко выраженном виде затронуло две сферы: официальную и экстерриториальные конфликты.

ИРИ и КСА ужесточили полемику: в Эр-Рияде обвиняют Тегеран в попытке использования прокси-сил, чтобы навязать на всём Ближнем Востоке собственную политическую повестку; в Тегеране же полагают, что саудовское руководство продвигает в регионе интересы США (а заодно – Израиля). Претензии обеих сторон не лишены оснований, но взаимная политическая риторика отличается склонностью к гиперболизации. Между Саудовской Аравией и Ираном в полную силу идёт информационная война, в которую невольно (или осознанно) вовлекаются внешние акторы, позиционирующие себя в качестве союзников и противников каждого из претендентов на лидерство в регионе.

« »

Во многих государствах Ближнего Востока не прекращается опосредованный конфликт: обе стороны обеспечивают лояльные им группировки и партии деньгами, оружием, опытом, дипломатической и медиаподдержкой. В результате целый ряд региональных конфликтов усугубляется их вовлечённостью в ирано-саудовское противостояние, а некоторые прямо возникают из него.

« »

В сферу противостояния вовлечено неопределённое количество внешних участников. Неопределённое, потому что в каждый конкретный момент идентификация их прямо зависит от характера текущей проблемы. Однако есть два фактора, которые позволяют увидеть конечный расклад.

Первый можно описать вопросом: что ты можешь сделать для меня сегодня? Причём ставится он обеими сторонами. Здесь важны политические сиюминутные интересы, разбавленные любовью к твёрдой валюте, которой обе противостоящие стороны пользуются с удовольствием.

Второй фактор – более или менее постоянный – участие США и России. Он имеет историческую природу. Конструкция «Россия – Великобритания – СССР – Соединённые Штаты – Россия» представляет собой классический пример конкурентной геополитической борьбы на Ближнем Востоке, играющей роль перманентной характеристики событий, которая определяет политический процесс в регионе в исторической ретроспективе.

Естественным образом эта самая конкурентная борьба напрямую влияет и на противостояние между КСА и ИРИ. Пусть не всегда заметно, зато всегда эффективно.

« »

Так почему Соединённые Штаты, потеряв азарт, всё же из последних сил цепляются за Ближний Восток? И как Россия определяет свои сиюминутные и перспективные интересы? Как это ни странно, причины присутствия США и России на Ближнем Востоке кроются не столько в специфике региона и его значении для мирового политического процесса, сколько в отношениях между двумя мировыми акторами. В период холодной войны Вашингтон и Москва, будучи внешними гарантами безопасности в регионе, строили альянсы с ближневосточными элитами в основном с целью противостоять влиянию своего визави в рамках большой геополитической игры. С исчезновением Советского Союза ничего принципиально не изменилось. Как и раньше, Россия и США продолжают «работать» с ближневосточными элитами в пику друг другу. Но в отличие от периода холодной войны роль идеологического фактора перешла из арсенала Москвы в джентльменский набор Вашингтона. Если в политике Кремля ясно виден политический и экономический прагматизм, пусть и не всегда достаточно ясно сформулированный, то в действиях Белого дома всё больше чувствуется идеологический подтекст. Это чревато последствиями и для региона, и для взаимодействия между основными акторами.

Хотя есть и существенное отличие от предыдущего исторического периода, называемого холодной войной. Теперь речь идёт не столько о борьбе за контроль над углеводородными и другими ресурсами, сколько о «чистой» геополитике – кто с кем и против кого дружит, у кого, где есть присутствие и в каком объёме. То есть материальные выгоды сомнительны, учитывая, что финансовая подушка ближневосточных скруджей резко съёжилась, нефтяной фактор теряет своё значение, а традиционное противостояние в регионе трансформируется в нетрадиционное для Ближнего Востока сотрудничество, практически обнуляя палестино-израильскую проблему.

Но баланс сохраняется, так как фокус игры смещается в район Средиземноморья, где российский фактор с каждым днём увеличивается благодаря турецкому аншлюсу и, судя по всему, такой «размен влияния» пока устраивает всех.

Традиционный для XX века баланс внешнего влияния в регионе между США и Россией (СССР) начинает трансформироваться в торги за «территории интересов». Вашингтон, озабоченный окормлением электората в преддверии выборов, разыгрывал израильскую карту, в то время как Москва, имея неоднозначный, но достаточно сильный козырь в виде Сирии, взяла реванш в Средиземном море. Конечная цель – не дать сопернику занять выгодную позицию.

Ответ

Аргументированный и логически выстроенный ответ может быть засчитан с учетом изложения следующих тезисов и знания исторического контекста:

4.1 Конфликт между ИРИ и КСА объясняется, прежде всего, угрозами безопасности Саудовской Аравии – шиитский пояс КСА, проходящий через нефтеносные районы, с началом революции 1979 года доставлял активное беспокойство королевскому дому. Это усугублялось деятельностью шиитских группировок, финансируемых Ираном, на территории Ирака, Ливана и Йемена, направленной против интересов КСА.

4.2 Благодаря сильному влиянию Ирана на шиитское население Ирака. Иранский КСИР практически обосновался в Ираке (в шиитских районах) как у себя дома и диктовал условия правительству Ирака и соседям.

4.3 В Йемене КСА воюет своими ВС, Иран же действует с использованием прокси – Ансар Алла (Хуситы). В Ливане ситуация тоньше. У КСА исторический интерес к этой стране (в том числе, и семейный). Присутствие Хезболлы, как иранской прокси, КСА беспокоит, но активные действия Саудовская Аравия на этом участке не предпринимает.

4.4 Россия в основном поддерживает Иран, но и старается сохранять отношения с КСА. США выступают в качестве союзника КСА и противника ИРИ.

Андрей Чупрыгин, Лариса Чупрыгина, Валерий Матросов

«Как Тегеран и Эр-Рияд Залив делили» : «Россия в глобальной политике» Том 18, №6, (106) ноябрь - декабрь 2020, С.163-171

С момента возникновения Исламской Республики Иран (ИРИ) в 1979 г. отношения между Тегераном и Эр-Риядом развивались не-однозначно. Появилось государство, сумевшее в крайне непростых условиях выстроить систему управления, экономику, культурную жизнь в «более исламском» русле. Это предполагало, что руководству Королевства Саудовская Аравия (КСА), которое позиционировало себя в качестве лидера мусульманского мира, придётся по-тесниться, а, возможно, и передать пальму исламского первенства своему неарабскому, да к тому же ещё и шиитскому, соседу.

Иранский пример с энтузиазмом восприняли все шииты Ближнего Востока, причём шиитское население восточных провинций Саудовской Аравии – самых нефтеносных и самых небогатых – первым выступило с политическими лозунгами в пользу иранского опыта и построения шиитского государства. Кроме того, курс на воспроизведение иранской модели взял ряд суннитских группировок – таких, как «Исламский джихад» на территории Палестины.

Официальная позиция иранского духовенства, которое открыто критиковало саудовский режим и призывало к «экспорту исламской революции» в страны региона, воспринималась как угроза национальной безопасности Саудовской Аравии. Королевство, впрочем, не осталось в долгу и оказало активную поддержку Саддаму Хусейну в годы Ирано-иракской войны (1980–1988), предоставив ему помощь на сумму 27,2 млрд долларов.

На фоне этих событий произошёл разрыв дипломатических отношений, продолжавшийся с 1988 по 1991 год. Формальным поводом послужили столкновения иранских паломников с полицией во время хаджа, а также холодно встреченное в Эр-Рияде требование Ирана увеличить квоту с 55 тысяч до 150 тысяч паломников в год. Однако с завершением Ирано-иракской войны Тегеран стал склоняться к выходу из региональной международной изоляции и к компромиссу с соседями. Смерть харизматичного и экспрессивного аятоллы Рухоллы Хомейни, а также осуждение Ираном оккупации Кувейта иракскими войсками годом позже способствовали восстановлению дипломатических отношений и достижению консенсуса по вопросу количества паломников (квота составила 115 тысяч человек).

На протяжении более чем десятилетия отношения развивались достаточно ровно. Однако с момента вторжения американских войск в Ирак в 2003 г. они начали стремительно ухудшаться, при-чём основными вехами следует считать события 2003, 2011 и 2015 годов.

Американская агрессия против Ирака уничтожила прежний баланс сил в регионе Персидского залива. До начала вторжения наличие общего соперника в лице Багдада вынуждало КСА и ИРИ идти на компромиссы, вплоть до предложения (правда, нереализованного) сформировать коллективную систему обеспечения безопасности, которая включала бы и Иран, и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и была бы направлена на достижение энергетической безопасности. Но крушение иракской государственности повлекло за собой огромные по своей значимости последствия.

Хрупкий баланс внутри треугольника «Эр-Рияд – Тегеран – Багдад» был уничтожен, геостратегическое пространство претерпело существенную трансформацию. Особую роль здесь сыграли внутренние политические и социальные особенности Ирака. Государство, где шииты всегда составляли более половины населения, а сунниты формировали политическую и экономическую элиту, страна, расположенная на пересечении суннитской и шиитской осей «Саудовская Аравия – Турция», «Иран – Ливан», оказалась желанным призом для обоих претендентов на региональное лидерство.

Установление контроля над Ираком позволило бы и Саудовской Аравии, и Ирану существенно укрепить собственные региональные и глобальные позиции. И вот вокруг заветной цели начался новый этап политического противостояния.

Приход в 2005 г. на пост президента ИРИ энергичного и решительно настроенного Махмуда Ахмадинежада усугубил обострение отношений Ирана с внешним миром. Помимо Ирака, конфликт в формате «войн по доверенности» затронул Ливан и Йемен. В первом Эр-Рияд и Тегеран «издалека» поддерживали оппозиционно настроенные в отношении друг друга политические силы, чему в большой степени способствовала конфессиональная структура политического поля Ливана. А во втором – прямо вмешались во внутренний конфликт, причём Иран оказал содействие повстанцам, хуситам, а КСА заняло сторону официального правительства страны.

Таким образом, к классическому противостоянию, протекавшему на внутреннем уровне и затронувшему идеологические, религиозные, националистические противоречия, а также вопросы экономического характера (цены на нефть, логистика торговых маршрутов), добавилась неприкрытая борьба за региональную гегемонию, в которую стали вовлекаться и другие страны. Основной целью борьбы оставался Ирак.

Эта тенденция стала ещё более очевидной после начала «арабской весны». И Эр-Рияд, и Тегеран восприняли пробуждение «арабской улицы» не столько как угрозу, сколько как возможность сыграть втёмную, укрепив свои позиции в регионе. Поддерживая различные правительственные и антиправительственные группировки, спонсируя их и оказывая им военную поддержку, ИРИ и КСА энергично трансформировали противостояние в полноценный региональный конфликт. Обе стороны творчески применяли давно обкатанную доктрину управляемого хаоса, демонстрируя хорошо усвоенный урок британской модели взаимодействия с Ближним Востоком. При этом и КСА, и ИРИ достаточно активно привлекали внешних акторов своими действиями «на земле» и в дипломатическом, и в экономическом секторах, приглашая их (а часто и провоцируя, как в случае с США) принять участие в этом конкурсе возможностей. Вовлечённость в большинство локальных столкновений других игроков – как ближневосточных (Катар, Турция), так и внешних (Соединённые Штаты, Россия) – в свою очередь, способствовали тому, что конфликт между претендентами на лидерство проявлялся по-разному: политическое маневрирование, военные действия через лояльные группировки на месте, дипломатические игры и экономическое давление.

В результате ,саудовско-иранские контакты оказались в худшем состоянии за всё время их существования, а обострение противоречий в наиболее ярко выраженном виде затронуло две сферы: официальную и экс-территориальные конфликты.

ИРИ и КСА ужесточили полемику: в Эр-Рияде обвиняют Тегеран в попытке использования прокси-сил, чтобы навязать на всём Ближнем Востоке собственную политическую повестку; в Тегеране же полагают, что саудовское руководство продвигает в регионе интересы США (а заодно – Израиля). Претензии обеих сторон не лишены оснований, но взаимная политическая риторика отличается склонностью к гиперболизации. Между Саудовской Аравией и Ираном в полную силу идёт информационная война, в которую невольно (или осознанно) вовлекаются внешние акторы, позиционирующие себя в качестве союзников и противников каждого из претендентов на лидерство в регионе.

« »

Во многих государствах Ближнего Востока не прекращается опосредованный конфликт: обе стороны обеспечивают лояльные им группировки и партии деньгами, оружием, опытом, дипломатической и медиаподдержкой. В результате целый ряд региональных конфликтов усугубляется их вовлечённостью в ирано-саудовское противостояние, а некоторые прямо возникают из него.

« »

В сферу противостояния вовлечено неопределённое количество внешних участников. Неопределённое, потому что в каждый конкретный момент идентификация их прямо зависит от характера текущей проблемы. Однако есть два фактора, которые позволяют увидеть конечный расклад.

Первый можно описать вопросом: что ты можешь сделать для меня сегодня? Причём ставится он обеими сторонами. Здесь важны политические сиюминутные интересы, разбавленные любовью к твёрдой валюте, которой обе противостоящие стороны пользуются с удовольствием.

Второй фактор – более или менее постоянный – участие США и России. Он имеет историческую природу. Конструкция «Россия – Великобритания – СССР – Соединённые Штаты – Россия» представляет собой классический пример конкурентной геополитической борьбы на Ближнем Востоке, играющей роль перманентной характеристики событий, которая определяет политический процесс в регионе в исторической ретроспективе.

Естественным образом эта самая конкурентная борьба напрямую влияет и на противостояние между КСА и ИРИ. Пусть не всегда заметно, зато всегда эффективно.

« »

Так почему Соединённые Штаты, потеряв азарт, всё же из последних сил цепляются за Ближний Восток? И как Россия определяет свои сиюминутные и перспективные интересы? Как это ни странно, причины присутствия США и России на Ближнем Востоке кроются не столько в специфике региона и его значении для мирового политического процесса, сколько в отношениях между двумя мировыми акторами. В период холодной войны Вашингтон и Москва, будучи внешними гарантами безопасности в регионе, строили альянсы с ближневосточными элитами в основном с целью противостоять влиянию своего визави в рамках большой геополитической игры. С исчезновением Советского Союза ничего принципиально не изменилось. Как и раньше, Россия и США продолжают «работать» с ближневосточными элитами в пику друг другу. Но в отличие от периода холодной войны роль идеологического фактора перешла из арсенала Москвы в джентльменский набор Вашингтона. Если в политике Кремля ясно виден политический и экономический прагматизм, пусть и не всегда достаточно ясно сформулированный, то в действиях Белого дома всё больше чувствуется идеологический подтекст. Это чревато последствиями и для региона, и для взаимодействия между основными акторами.

Хотя есть и существенное отличие от предыдущего исторического периода, называемого холодной войной. Теперь речь идёт не столько о борьбе за контроль над углеводородными и другими ресурсами, сколько о «чистой» геополитике – кто с кем и против кого дружит, у кого где есть присутствие и в каком объёме. То есть материальные выгоды сомнительны, учитывая, что финансовая подушка ближневосточных скруджей резко съёжилась, нефтяной фактор теряет своё значение, а традиционное противостояние в регионе трансформируется в нетрадиционное для Ближнего Востока сотрудничество, практически обнуляя палестино-израильскую проблему.

Но баланс сохраняется, так как фокус игры смещается в район Средиземноморья, где российский фактор с каждым днём увеличивается благодаря турецкому аншлюсу и, судя по всему, такой «размен влиянием» пока устраивает всех.

Традиционный для XX века баланс внешнего влияния в регионе между США и Россией (СССР) начинает трансформироваться в торги за «территории интересов». Вашингтон, озабоченный окормлением электората в преддверии выборов, разыгрывал израильскую карту, в то время как Москва, имея неоднозначный, но достаточно сильный козырь в виде Сирии, взяла реванш в Средиземном море. Конечная цель – не дать сопернику занять выгодную позицию.

Задание 4.1 Почему, по мнению авторов, конфликт между Саудовской Аравией и Ираном нельзя объяснить только различиями между суннитами и шиитами?

Задание 4.2 Почему после 2003 года именно Ирак стал главным полем соперничества Саудовской Аравии и Ирана?

Задание 4.3 Как Саудовская Аравия и Иран участвуют в конфликтах в Ливане и Йемене, не воюя друг с другом напрямую?

Задание 4.4 Какую роль в противостоянии Ирана и Саудовской Аравии играют США и Россия?